

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ЛЕКЦИЯХ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

(По архивным материалам)

Среди многочисленных материалов по истории русской общественной мысли и науки, хранящихся в архивах нашей страны, значительный интерес представляют документы, характеризующие состояние изучения и преподавания истории древнего мира в России в середине XIX в., в частности неопубликованные курсы лекций Грановского, Крюкова, Кудрявцева и др. Содержание этих лекций в большей или меньшей мере мы можем узнать либо из собственноручных набросков лекторов, либо из записей студентов. Изучение этих документов особенно интересно для советских исследователей уже потому, что идейная борьба вокруг преподавания истории была одним из проявлений общественной борьбы, развернувшейся в 40-х годах XIX в. Она нашла свое отражение и в жизни такого крупного центра передовой общественной и научной мысли, каким был Московский университет. Здесь в это время выдвигается целая группа ученых, прокладывавших новые пути в исторической науке, выступавших против рутины, насаждавшейся реакционной профессурой типа Погодина, Шевырева, Давыдова.

Наиболее выдающимся представителем этой плеяды передовых ученых Московского университета был Т. П. Грановский. В то время как реакционеры видели в истории средство для доказательства незыблемости крепостнических порядков и самодержавия, Грановский смело выступил с кафедры Московского университета против крепостничества и деспотизма, используя историю прошлого как средство обличения крепостнической действительности России. В лекциях Грановского звучал протест против угнетения, против унижения человеческой личности. И хотя присущая Грановскому либеральная ограниченность мешала ему подняться до материалистических и революционных идей своих великих современников — Белинского, Герцена и Огарева, но он не стоял в стороне от той борьбы против реакции, которая возглавлялась ими. Это становится ясным, если обратиться к изучению научного наследия Грановского, в частности записей его лекционных курсов, богатейшая коллекция которых хранится в архивах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Государственного исторического музея, в Архиве Академии наук СССР (Ленинград), в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Хотя основным курсом, который читал Грановский, являлся курс истории средневековья, однако в его лекциях и по истории древнего мира содержатся прогрессивные мысли и убеждения ученого, которые в условиях полицейской цензуры он не мог высказывать в своих печатных работах.

Систематический курс истории древнего мира Грановский начал читать лишь со второй половины 40-х годов¹. С 1847 г. он читал его попеременно с П. Н. Кудряв-

---

¹ Грановский, видимо, в 1841/42 г. лишь временно заменил Крюкова, читавшего курс древней истории, см. Государственный исторический архив Московской области (далее сокращенно ГИАМО), ф. 418, оп. 11, № 8, л. 9, а также оп. 12, № 16, л. 6.

цевым, приехавшим в это время из заграничной научной командировки. Но уже с самого начала своей профессорской деятельности, т. е. с 1839 г., Грановский постоянно обращался к проблемам истории древности. Считая, что история средних веков «ограничивается падением Рима и открытием Америки», он открывал этот курс большим обзором состояния Римской империи в III—V вв. Такой обзор мы находим во второй тетради собственноручного конспекта раннего курса Грановского¹, а также в студенческих записях этих² и последующих лет³. Хронологические рамки этого обзора менялись; иногда Грановский свои лекции начинал с истории образования римской империи. Так, в отчете Грановского за 1850/51 учебный год мы читаем: «Ординарный профессор Грановский излагал древнюю историю студентам 1-го курса юридического и того же курса Историко-филологического факультета по программе, представленной им в начале академического года. Предпослав краткое введение, в котором изображены были судьбы самой науки и настоящее ее состояние, профессор изложил своим студентам историю народов Востока и Греции в полном объеме и историю Рима до падения республиканских форм. Период императоров предполагает прочесть в наступающем академическом году в виде введения к истории средних веков. Профессор старался по возможности знакомить студентов с источниками и новыми учебными пособиями науки. Он читал по три часа в неделю. Ординарный профессор Тимофей Грановский»⁴.

Особенно интересные материалы по истории Рима мы находим в записях лекций 1845/46 г. В одной из них, являющейся записью публичных лекций 1845/46 г., дается более глубокая трактовка внутреннего кризиса Римской империи, более подробная характеристика угнетенного состояния рабов, колоннов, жителей римских провинций, чем в лекциях предшествующих лет⁵.

Записи систематического, полного курса истории древнего мира, обнаруженные нами, относятся уже к концу 40-х — началу 50-х годов. Наибольшее количество вариантов этих записей имеется за 1848 и 1849 гг. — время, которое было для Грановского периодом расцвета его творческих сил, периодом его наиболее глубоких идейных исканий. И это не случайно: подъем общественной и культурной жизни в это время, революционные события 1848 г. на Западе не могли не отразиться на творчестве передового русского ученого, в частности на содержании его университетских курсов. Записи лекций этих лет важны также и потому, что они имеются в нескольких вариантах. Это дает возможность путем сопоставления вариантов более точно воспроизвести содержание лекций.

Одна из таких записей сделана студентом юридического факультета Петром Самариним⁶. Она хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им.

¹ См. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее сокращенно ОПИГИМ), ф. 276, № 3778.

² См. Архив АН СССР (Ленинград), ф. 764, оп. 1. № 96, а также Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее сокращенно РОГБЛ), М., 4184.

³ См. РОГБЛ, м. 5173 (лекции 1842—43 г.). Эта рукопись была использована Е. Ф. Плотниковой, см. автореферат ее кандидатской диссертации «Римская империя в трудах Т. Н. Грановского и С. В. Ешевского», М., 1951; См. также ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 17 (1843—44 г.), ф. 345, ед. хр. 19, 23, (1845—1846 г.); РОГБЛ, м. 3729 (184—47 г.) и др.

⁴ ГИАМО, ф. 418, оп. 20, № 108, л. 49.

⁵ См. ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19 (Описание этой рукописи дано И. Ф. Иваниным, см. «Исторический журнал», 1945, кн. 1—2, стр. 81—84). Как известно, первый курс публичных лекций, о котором Герцен отзывался как о большом общественном событии, был прочитан в 1843 г., а последний, посвященный характеристике ряда исторических деятелей, в частности, характеристике Александра Македонского — в 1851 г. (см. Т. Н. Грановский, Соч., М., 1900, стр. 250—264).

⁶ См. РОГБЛ, м. 3598/XIII. Сведения о Петре Самарине мы находим в отчетах Московского университета (см. ГИАМО, ф. 418, оп. 18, № 30).

В. И. Ленина. На пожелтевшей бумаге этой рукописи, состоящей из пяти тетрадей, исписанных четким почерком, мы находим более содержательное, чем в предыдущих курсах, введение, после которого следует изложение истории Китая, Индии, Мидии, Ассирии и Вавилонии, Финикии. Эта запись заканчивается обзором истории Египта. На полях тетрадей имеются извлечения из источников, например из Геродота, Полибия (тетр. 1, лл. 3—4 об.). В 4-й тетради этих записей указана дата лекций — 1848 г. (л. 1). Здесь же хранится отрывок записи, состоящий из двух тетрадей с лекциями по истории Китая, Ирана и Финикии, совпадающий текстуально с записью Петра Самарина¹. На первых листах этих тетрадей мы находим надпись: «Николай Соколов, 1848 год. Октяб[р]ь] 30-го... Суббота...».

Еще более полной является запись лекций за этот же год, хранящаяся в Центральном государственном архиве литературы и искусства². Она сделана студентом первого отделения философского факультета Владимиром Собчаковым. Эта рукопись представляет собой переплетенный том (шесть тетрадей), на обложке которого надпись: «Древняя история. Лекции... Грановского, В. Собчаков». На полях многих листов рукописи указаны даты: «11 сентября..., 5 ноября 1848 г. (л. 30 об.)..., 26 ноября 1848 г.,..., лекция 4-го февраля 1849 года (л. 69), лекция Грановского 26 марта 1849 г. (л. 118)» и др.

Содержание лекций, записанных Владимиром Собчаковым, Петром Самариным, отрывки записи № XVII (РОГБЛ, м. 3598) совпадают, подчас даже дословно. Однако в рукописи Владимира Собчакова мы впервые встречаемся с разделом, посвященным истории Греции. Изучая эту рукопись, поражаешься, насколько подробно большинство записей. И это несмотря на то, что они в основном велись непосредственно во время лекций, как это можно установить по характеру почерка. Студент явно стремился уловить каждое слово профессора. Это вынуждало его прибегать к сокращениям слов, недописывать их и т. д., что усложняло расшифровку этих записей. Уточнению в расшифровке помогает наличие других вариантов студенческих записей этих же лет.

Последовательному изложению событий истории Греции в лекциях Грановского предпослан обзор источников и историографии, причем особенно подробно автор останавливается на критической характеристике литературных источников. Затем следует описание географического положения Греции, характеристика ее населения.

В отличие от принятого в то время построения курса, когда каждое древнее государство рассматривалось изолированно, Грановский стремился дать материал в широком сравнительно-историческом плане. Это особенно заметно в лекциях по истории Греции. Так, давая характеристику гомеровского общества, Грановский сравнивал «героич[еский] период» Греции с аналогичными, по его мнению, временами в Китае, Индии, Риме и т. д. При этом он не только устанавливает общие черты в развитии народов этих стран, но выясняет и своеобразие исторического пути каждого из них. «Мы видели,— говорил Грановский,— подвиги китайские в героический период: герои являются у них мудрецами, законодателями, осушителями болот, приготовителями пастбищ... Индейцы имеют свой героич[еский] период...», и далее он подробно останавливается на характеристике гомеровского общества³.

Последующие лекции в записях Собчакова, посвященные истории греческой колонизации, истории Спарты, Афин и других государств Греции, показывают, что внимание Грановского привлекали факты, характеризующие не столько отношения между отдельными полисами, сколько внутрисполитическую борьбу, борьбу демоса с аристократией, социальные отношения. Большое место в курсе занимает интересная характеристика культуры классической Греции. Сравнительно подробно изложены события, связанные с историей монархии Александра Македонского.

В последней части рукописи Владимира Собчакова, где содержатся лекции, ко-

¹ См. РОГБЛ, м. 3598/XVII.

² См. Центральный государственный архив литературы и искусства (далее сокращение ЦГАЛИ), ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1.

³ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 52—55.

торые читал Грановский уже весной 1849 г.¹, мы находим изложение начальной истории Рима, начинающееся характеристикой источников и историографии. Рекомендую работы Мишле, Нибура, Грановский особенно подробно останавливается на характеристике работ Нибура, оказавших, по его словам, огромное влияние на историческую науку того времени: «Можно сказать, что в течение последних 30 лет не вышло ни одного сочинения по части Римской истории, которое было бы независимо от влияния Нибура»². Рукопись заканчивается изложением борьбы патрициев и плебеев.

В лекциях следующего, 1849/50 учебного года, обнаруженных нами лишь в отрывках (две тетради), построение курса уже несколько видоизменено: изложению истории Финикии, Мидии, Персии предшествует большой обзор истории Египта. В этом отрывке есть также материалы по истории Греции³.

Именно для этого курса Грановским была подготовлена программа, которая обнаружена в материалах Московского университета⁴.

Лекционная деятельность Грановского начала 50-х годов по истории древнего мира менее полно отражена в источниках. От этого периода сохранилась подробная запись студента Федора Крахта, однако она единственная и не может быть ни с чем сопоставлена, что снижает ценность этой рукописи как источника. Рукопись, представляющая собой четыре тетради, не датирована и не имеет пометки ни на обложке, ни на полях о том, что это запись лекций Грановского. Однако поскольку план, содержание рукописи совпадают с материалами рукописей № XIII, XVI, XVII (РОГБЛ, м. 3598), то не может быть сомнений, что эта рукопись представляет собой запись лекций Грановского. Несколько сложнее обстоит дело с датировкой рукописи. Повидимому, это рукопись 1851/52 г., так как имя Федора Крахта мы находим в студенческих списках начала 50-х годов, причем на первом курсе, на котором читалась история древнего мира, он учился именно в 1851/52 учебном году⁵.

Наконец, кроме перечисленных нами материалов, в архиве Исторического музея обнаружены студенческие записи лекций по истории древнего мира. Начало одной из записей, как это удалось установить, бесспорно является записью лекций Грановского⁶. Рукопись неизвестно кем составлена и не датирована, но по содержанию эти лекции очень близки лекциям, которые Грановский читал в конце 40-х годов. Вторая запись также не датирована, но ссылка в тексте лекций на статью, вышедшую в 1851 г., показывает, что они записаны в последние годы деятельности Грановского. Эта запись лекций содержит введение, историю Китая, Индии, Египта, Ассирии и Вавилонии, Персии и Мидии⁷.

Мы не ставим своей задачей дать анализ всех материалов, характеризующих взгляды Грановского, но даже краткая характеристика некоторых важнейших его положений по истории древнего мира ярко показывает передовые воззрения ученого, показывает, что он стремился идти в науку не проторенными путями. Критический подход к исторической литературе, глубокое изучение источников, в которых он искал объяснение коренных причин исторических событий, давали ему возможность по-новому осмысливать и обобщать исторические факты.

В своем введении к курсу древней истории Грановский всегда поднимал вопрос об общественном значении исторической науки. «Чем более углубляться в историю,— говорил он,— тем более укрепляешься в жизни. История уничтожает в нас... недоверчивые, скептические мнения, кот[орые] лишают нас энергии и нравственных сил. Каждому ученому,— продолжал он,— прилично выше всего ставить свою науку, но

¹ См. ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, лл. 125 об. — 134 об.

² Там же, л. 126.

³ РОГБЛ, м. 3598/XVI.

⁴ См. ГИАМО, ф. 418, оп. 19, № 4, лл. 32 — 40 об.

⁵ См. там же, оп. 24, № 28.

⁶ См. ОПИГИМ, Собрание Щукина (далее Щук. 195/477). На обложке студенческой тетради надпись: «Древняя история. (проф. Грановский)».

⁷ См. ОПИГИМ, ф. 1, ед. хр. 160.

особенно должен любить свою науку историю, науку, которая похожа на океан, в который сливаются все другие науки... и дают ей вспомогательные средства»¹.

История «объясняет законы, по которым совершается земная жизнь человечества, указывает на законы и цели поступательного движения. Уже этого одного,— подчеркивал Грановский,— достаточно, чтобы ответить на вопрос... какая польза истории? Неужели можно спрашивать о пользе науки, кот[орая] объясняет жизнь человечества и законы его бытия и прогрессивного движения вперед»².

Стремление рассматривать исторический процесс как процесс закономерный и прогрессивный резко отличает Грановского уже в ранний период его деятельности от представителей реакционной историографии. Отмечая, что понимание закономерности общественного развития не ново, что еще «до Гердера» ученым была также не чужда идея «поступательного движения человеч[ества]»³, он неоднократно упрекал ряд историков за нежелание вскрывать внутреннюю связь исторических событий и признавать прогрессивность общественного развития.

Однако понимание Грановским закономерности и прогрессивности исторического процесса, противоречивого характера его было в основе своей идеалистическим, что мы видим при анализе лекций по древней истории. «Известно,— говорил он,— что историю нельзя ограничивать одними внешними фактами: войнами, договорами и т. д.» Главную суть истории, в представлении Грановского, составляет ее «духовное содержание... идеи, которые вырабатываются в народе, изменяясь со столетиями⁴, осуществление нравственного закона».

Для доказательства идеи закономерности исторического развития Грановский обращался к истории древнего мира. Он подчеркивал неизбежность перехода от республики к империи в Риме, показывая, что республиканские формы, в которые была облечена римская императорская власть, были лишь «лицемерным прикрытием» ее нового монархического содержания. По его мнению, борьба сената против императорской власти не могла быть успешной, так как сенат «хлопочет уже о старом, устаревшем и потому часто должен уступать новому требованию действительности»⁵. Исследуя причины падения Римской империи, он подводит слушателей к пониманию того, что, подготовленное всем ходом внутреннего развития римского общества, оно было также неизбежным.

Грановский рассматривал появление понятия всеобщей истории как большой идейный прогресс. В его высказываниях о задачах всеобщей истории встречаются возражения против пренебрежения к изучению отдельных народов. В своих лекциях Гра-

¹ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 1, л. 10.

² РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 1, л. 9 об. Эту же мысль Грановский развивал и раньше, в 1848/49 г.: Практическое значение истории, говорил он, состоит в том, что она помогает постигать смысл современных явлений; только через историю мы можем понять свое место в человечестве; она..., показывая, что совершило человечество на земле..., позволяет ценить достоинство человека» (РОГБЛ, м. 3598/XIII, тетр. 2, лл. 5 об.— 6).

³ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 1, л. 6 об. Рассматривая взгляд целого ряда историков и философов на исторический процесс, таких, как Монтескье, Кондорсе, Вико, Кант, Гегель и др., Грановский критикует «школу неокатоликов, к которым,— по его словам,— принадлежит... Шлегель, фон Галлер и др.», видевших «в истории постепенный упадок... Шлегелево учение противно учению о прогрессе» (ОПИГИМ, Шук., 195/477, лл. 20 об.— 21).

⁴ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 1, л. 4 об. «Рассматривая эту главную, духовную сторону истории в различные времена, мы поражены огромным прогрессом народов в этом отношении... Без глубокого уважения нельзя изучать памятников древности; но сравнивал, говорил Грановский, духовное развитие «древних народов с идеями средних и новых веков, мы увидим, какой огромный шаг сделало человеч[ество]...» (РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 1, лл. 4. об.— 5).

⁵ РОГБЛ, м. 3598/XVIII, л. 11 об.

новский неоднократно повторял, что понятие всеобщей истории не могло быть, например, доступно греческим историкам и философам: «гордое отличие» в их представлении «между эллином и варваром мешало развитию этой идеи... и мог ли понять ее (эту идею.— С. А.) грек при таком отчуждении своего народа от всего человечества¹».

Даже «величайший... философ [Греции] — Аристотель начал свое творение о политике след[ующими] словами: есть народы, которым сама природа назначила властвовать, а другим быть у первых в рабстве»².

Критикуя исторические учебники, игнорировавшие освещение жизни, например, народов Китая и Индии, Грановский в наброске рецензии на учебник Ф. Лоренца отмечал, что в его изложении древней истории «многие явления не получают надлежащей оценки», считал серьезным недостатком этой работы отсутствие освещения жизни народов Китая и Индии³. «Даже Нибур в своих лекциях о древней истории опустил Китай». Правда, в этих вопросах, затрагивающих проблемы освещения исторической роли различных народов, Грановский был далеко не так последователен⁴, как его великие современники Белинский и Герцен. Но его стремление выйти из рамок характеристики жизни только европейских народов в то время имело большое значение.

Прогрессивные черты мировоззрения Грановского выявились с большой силой в его подходе к освещению положения народных масс, что выделяло его из ряда современных ему буржуазно-либеральных историков, не говоря уже о реакционных, которым он резко противостоял в этом вопросе. Еще в лекциях 1839/40 г. у Грановского ясно замечается тенденция к расширению тех разделов, где освещаются события внутренней жизни народов, социальные отношения, положение трудящихся слоев населения.

В своем обзоре источников и литературы он указывал на крайнюю бедность источников сведениями о жизни народа. В лекциях более позднего периода Грановский, преодолевая ограниченность этих источников, пытается дать сравнительно широкую картину борьбы демоса с эвпатридами, плебеев с патрициями, картину положения рабов в Спарте, Афинах и Риме. Передовой ученый не остается при этом бесстрастным регистратором фактов, но дает такие оценки социальной и политической борьбы, которые не позволяют сомневаться в том, на чьей стороне находятся его симпатии. С глубокой сочувствием говорит он, например, об афинской бедноте, о ее борьбе против олигархии. Положение афинской бедноты, говорил он, «было тем тягостнее», что беднота обременялась великой массой податей, долговым правом, отличавшимся необыкновенной жестокостью. «Несостоятельный должник делался рабом [своего] заимодавца»⁵. Прибегая к аналогии, он показывает, что «как эвпатриды, так и римские патриции, сохраняя всю власть в государстве, были жрецами, судьями, и, наконец, вся поземельная собственность была в их руках», а афинской бедноте «не [было] ни в чем опоры против эвпатридов»⁶.

Подробно освещая реформы Солона, Грановский отмечал, что Солон «смягчил

¹ РОГБЛ, м. 3598/XIII, тетр. 1, л. 3.

² РОГБЛ, см. там же, м. 3598/XIV, тетр. 1, лл. 2—2 об.

³ РОГБЛ, м. 5177/33. Интересно отметить, что как в курсах, так и в программе Грановского изложение истории древнего мира открывается анализом жизни народов Китая и Индии. В программе читаем: «Первоначальные формы общественной жизни. Переход от семейства к кастам и патриархальному государству. Влияние географических и вообще природою данных условий. Народы Востока. Китай. Земля и жители. Краткое обозрение исторических событий от начала Китайского государства до последней войны с англичанами. Религия, цивилизация, государственные учреждения Китая. Индия. Природа края. Характер жителей. Сравнение их с китайцами. Исторический обзор. Религия и жизнь индусов. Памятники искусства и литературы» в т. д. (ГИАМО, ф. 418, оп. 13, № 4).

⁴ См. РОГБЛ, м. 3598/XIII, тетр. 1, л. 11 об.

⁵ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, л. 6 об.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 69.

жестокие поступки с должниками»¹. Он дает детальную характеристику учреждениям, созданным в ходе реформы. В реформах Солона и Клисфена, в политике Фемистокла и Перикла Грановского прежде всего интересовала их демократическая направленность². Однако, анализируя данные Плутарха, Грановский видел в реформах Солона не только удар по господству эвпатридов, но и средство примирения враждебных общественных групп, а созданный Солоном «совет» рассматривал как орган, который должен был предотвратить якобы слишком опрометчивые решения народа³.

Оценка различных политических форм с точки зрения их влияния на положение народа позволяла Грановскому в ряде случаев высказывать интересные мысли об их социальной роли. Давая сравнительную характеристику ранней и поздней греческой тирании, он отвлекается от внешнего сходства политических форм и обращает основное внимание на различную общественную роль тирании в разные исторические периоды. Ранние формы тирании — этой ступени в развитии рабовладельческой демократии — он оценивает как положительное явление. По мнению Грановского, власть первых тиранов, «основанная на любви и расположении низших сословий, составляет переход от аристократического гнета к более правильным республиканским учреждениям. След[овательно] — заключал Грановский, — она (т. е. тирания. — С. А.) была благодетельна. От этого с именем первых тиранов... соединено воспоминание признательности. Тираны были благородным явлением греческой жизни... Искусства, науки, промышленность и торговля находили в них (тиранах — С. А.) усердных поклонников, потому что их выгоды были тесно связаны с выгодами масс, ибо без этого [они] делались жертвою аристократического сословия». Далее он подчеркивал, что если власть «первоначальной тирании», основанная на сочувствии масс, «была благодетельна», то позднейшая тирания, стремившаяся к подавлению демократии и установлению олигархических порядков, носила совершенно другой характер. Эта позднейшая тирания, указывал Грановский, и была «предметом стремления честолюбивых лиц, державших государство в страхе, посредством наемников»⁴.

Подчеркивая общие черты, характерные для внутренней истории ранних Афин и раннего Рима, Грановский указывал: «Все, что мы следили об отношениях аттического народа к эвпатридам, повторилось в Риме». Сочувственно оценивая успехи плебеев в борьбе с патрициями, Грановский тесно связывал эту борьбу с «социальным вопросом древнего Рима» — с важнейшим вопросом о земле⁵.

В своих лекциях большое место Грановский уделяет и основному угнетенному классу древнего общества — рабам. Он выступал горячим обличителем угнетения рабов, подчеркивал их ненависть к своим угнетателям. Характеризуя отдельные категории рабов, он отмечал не только особо тягостное положение афинских рабов, но и различие даже между столь близкими по своему положению группами, как спартанские илоты, принадлежавшие, по его словам, государству, и фессалийские пенесты, «принадлежавшие с почвою господину»⁶.

Считая положение илотов более благоприятным по сравнению с другими категориями рабов, Грановский тем не менее и их жизнь рисует мрачными красками. Грановский, рассказывая о том, что в минуты опасности для государства илоты призывались к оружию, отмечал, как трудно было им «возвратиться в прежнее состояние» после окончания войны. Он описывает «расправы с илотами» (криптии), во время которых их «травили как диких зверей». В лекциях по истории Рима Грановский также подчеркивал «ужасный» характер римского рабства. Нет сомнения в том, что, заостря внимание слушателей на угнетенном положении тружеников в древнем мире, Грановский заставлял их невольно сравнивать жизнь спартанских илотов или рим-

¹ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, л. 8.

² См. ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 81 об.— 83.

³ См. там же, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 70 об.

⁴ Там же, л. 12—12 об.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 132—132 об.

⁶ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, л. 9.

ских рабов и колонов с картинами современной им крепостнической. действительности. Порой лектор явно наталкивал аудиторию на такие аналогии, заявляя, что «илоты были нечто вроде оброчных крестьян». В лекциях 1848-49 г., в которых наиболее полно отразился растущий интерес Грановского к социально-экономической истории, он наиболее четко ставит вопрос о рабах как об основных производителях материальных благ в древнем мире. Римское общество, говорил он, распадалось на «свободных и рабов... При той системе рабства, которая господствовала в Римской империи, каждый — самого малого состояния человек имел раба, двух, трех, которые снабжали его всем нужным...». «В древнем мире,— говорил он,— работала машина — раб»¹.

Грановский, указывая на своеобразие античного общества, говорил, что «при глубоком взгляде мы различим древний экономический порядок от нашего», причем в его представлении важнейшим отличием древнего мира было все нарастающее вытеснение свободного труда рабским: «... число свободных... постоянно уменьшалось, а число рабов росло более и более». Он подчеркивал, что ранее «значительный класс мелких собственников, землевладельцев» исчезал. Обращаясь к судьбе античного пролетариата, Грановский отмечал, что «древний пролетарий не был пролетарий нынешний: последний просит хлеба за работу², которую готов он исполнить, пролетарий древний требовал денег и не хотел ничего делать»³.

Понимание огромной роли рабства приводит Грановского к важному выводу, что исключительно высокое развитие культуры в Греции, например, обусловлено именно существованием рабства: «Греческий мир был необыкновенно изящным, однажды показанным истории; но он был основан на началах односторонности, на которых долго не мог существовать... Он б[ыл] невозможен без рабства в самом тяжелом смысле этого слова. Надобно было, чтобы за свободного грека работал другой и снял с него всю тяжесть житейских забот, тогда грек развивался как ученый и художник»⁴. Этот вывод Грановского, полностью основанный на свидетельствах дошедших до нас источников, поражает своей глубиной, если при этом учесть, что многие буржуазные историки того времени, стремясь замазать остроту классово-борьбы в античности, отрицали громадную роль рабства в эту эпоху.

Как известно, рабство сыграло на определенном этапе прогрессивную роль в развитии рабовладельческих обществ. Однако в дальнейшем оно превратилось в тормоз для развития производительных сил. Грановский, который не смог понять роли рабства на различных этапах исторического развития, все же высказал интересную мысль, что общество, основанное на рабском труде, приходит к застою и упадку. Внутренний кризис Римской империи, например, подготовивший ее падение, он связывал с обезземеливанием, обнищанием крестьян, с восстаниями рабов и колонов. «Бедность низших классов, истребление низшего и среднего сословия землевладельцев, огромные пустыни, образовавшиеся в самых цветущих провинциях...», множество пустых, незасеянных полей⁵ — таким было в представлении Грановского состояние римского общества в последние века его существования.

Грановский великолепно знал источники по истории этого периода, из которых большое значение придавал кодексу Феодосия. На основании материалов кодекса он давал подробную характеристику положения позднеримских колонов. По его мнению, хотя «по праву законов колоны много отличались от рабов, на факте это было со-

¹ РОГБЛ, м. 3598/XVIII, лл. 12, 14 об.—15, л. 28.

² В другой записи этого года мы читаем, что различие «между древними и новыми пролетариями» состоит в том, что новый пролетарий «с оружием в руках требует труда..., древний требует хлеба без труда» (РОГБЛ, м. 3598/XXI, л. 9).

³ РОГБЛ, м. 3598/XVIII, лл. 12, 15, 16 об. Подробнее см. С. А. Асиновская, Из истории передовых идей в русской публицистике. Т. Н. Грановский, М., 1955.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 112 об.—113.

⁵ РОГБЛ, м. 3598/XVIII, л. 18 об.

вершено одно и то же¹. Тяжелое положение народа приводило к тому, что «повсюду на всех точках империи начинается восстание народное. Восстают багауды, восстают рабы, восстают сельские жители, которым не остается больше никаких средств, и к этим сельским жителям присоединяются другие элементы»². С этой характеристикой положения римского народа связан его вывод, основанный на данных источников, вывод о поддержке широкими слоями населения империи варварского вторжения: «Жители империи,— говорил он,— считали...варваров своими благодетелями»³.

Грановский неоднократно в своих лекциях подчеркивал, что народы древности страдали от захватнических войн, несших им порабощение. В этом плане греческая колонизация представляется ему значительно более благоприятной для коренного населения, нежели, например, римская военная система колонизации или кровавые методы покорения и истребления туземцев в Америке⁴. Останавливаясь на характеристике мессенских войн — этом «важном событии спартанской истории», он подчеркивал, что мессенцы ожесточенно сопротивлялись спартанским завоеваниям⁵, которые несли им рабство. Ведь в ходе, например, второй мессенской войны «часть мессенского племени была рассеяна, другая превращена в илотов»⁶.

Анализ записей лекций Грановского по истории Египта, Индии, Китая, Греции и т. д. свидетельствует о том, что ученый проявлял глубокий интерес к вопросам просвещения и культуры в древнем мире, что при освещении этих вопросов он выступал как решительный сторонник широкого распространения культуры и просвещения, свободы научной мысли.

Культура отражает жизнь народа — такова одна из ведущих идей Грановского. Из этой идеи он исходит в своем подходе к «гомеровскому вопросу», в оценке греческого эпоса. Подчеркивая, что в создании «Илиады» и «Одиссеи» участвовал народ, он говорил: «...Илиада и Одиссея не могут быть произведением одного поэта; это очевидно из того, что отдельные песни принадлежат разным временам и представляют различные воззрения на жизнь и на богов. Можно заметить различие между песнями Илиады. Некоторые песни являются вставочными... Очевидно, что в основании лежат древние народные песни, собранные впоследствии. Но... кто был собирателем этих песен? — спрашивал Грановский. — Здесь остается место и для древнего Гомера, — отвечал он. — Можно предположить труд одного великого поэта, собравшего народные песни, переработавшего их и пересоздавшего их в целое»⁷.

В то же время в греческом эпосе и других литературных памятниках того времени он видел важнейший источник понимания «героического периода». Он высказывает предположение, что о мессенских войнах стало известно «из песен, эпоса мессен-

¹ РОГБЛ, м. 3598/XVIII, л. 12.

² ОПИГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 30.

³ РОГБЛ, м. 3598/XVIII, л. 18.

⁴ Противопоставляя якобы мирный характер греческой колонизации кровавым захватам в Мексике, Перу и т. д., Грановский говорил, что испанские удальцы» принесли «туземцам гибель и истребление», они «загравили их собаками, заморили в рудниках». Испанцы ничего не принесли «в дар индейцу», они «крестили мечом и огнем» (РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, лл. 12 об. — 13, а также м. 3598/XVI, тетр. 2, л. 9 об. — 10 об.).

⁵ С этим стремлением спартанцев к господству над другими племенами Грановский связывал и особую систему спартанского воспитания, о которой он отзывался крайне отрицательно. С одной стороны это воспитание, говорил он, «сообщило ей [Спарте. — С. А.] необыкновенную крепость, с другой, оно обрекло народное развитие на бедность... Спарта не произвела ни одного замечательного умственного явления, не вложила ничего в сокровищницу греческой образованности». Грановский приходит к заключению, что в этой системе нет «ничего такого, что могло бы привлечь наше сочувствие» (РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, л. 4 об. — 5).

⁶ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 75 об.

⁷ РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, лл. 9 об. — 10.

цев, содержанием которых были эти войны»¹. Греческая лирика, говорил он, выражала не только «личные чувства, но и все интересы общественной и гражданской жизни»². Греческая литература, заканчивал он лекцию по истории развития поэзии, драматургии, философии и т. д., отражала «в себе всю народную жизнь со всеми изменениями ее»³.

Пропаганда идеи приобщения народных масс к просвещению ясно звучит в тех местах лекций Грановского, где он, идеализируя период афинской демократии, с удовольствием отмечал, что там демос мог слушать своих ораторов и философов, что «греческая образованность была проста, не сложна [и]... каждый грек по мере умственных сил своих принимал участие в общем наслаждении поэтическими произведениями»⁴. Наслаждение поэзией, говорил он, было доступно «не одним высшим классам»⁵.

Грановский использует каждую возможность для того, чтобы направить мысль слушателей от явлений древнего мира к окружающей их действительности, чтобы пробудить у них чувство протеста против мракобесия, против насаждения бескультурья, против подавления каждой новой, свежей мысли. С особой силой звучал протест против гнета реакция в лекциях конца 40-х годов, когда в связи с революционными событиями на Западе и с подъемом общественного движения в России эта реакция усилилась⁶.

Рассказывая о греческих философах V—IV вв. до н. э., он подчеркивал, что в их «великом уважении» к разуму было «нечто величественное, поэтическое: впервые вступил разум в свои великие права». И тут же он проводит аналогию между отношением греческих философов и отношением Гегеля к разуму. Цитируя положение немецкого философа «все действительное разумно, все разумное действительно», он говорил, что это положение «может быть принято лишь со значительным ограничением»; ведь «не всякая действительность — утверждает он, имея в виду гнетущую русскую действительность, — соответствует разумным целям»⁷.

На сопоставления он наталкивал слушателей, когда освещал историю культуры Китая. Хотя Грановский не сумел понять причин своеобразия истории Китая и считал, что корни застойности его развития заключаются в приверженности к старине, к сохранению старых обычаев, традиций и т. д., однако освещение ее стало для него средством выражения протеста против полицейского гнета над наукой, против правительственной опеки над ней. Когда он говорил, что цензура в Китае «не допускала никаких новых идей»⁸, и что в Китае «наука взята государством под опеку» и таким образом не может «образовывать народ, она его содержит в невежестве или по крайней мере в тесном кругу мысли, не допуская вторжения новых идей»⁹, то студенты понимали, что он имеет в виду гнет полицейской цензуры в России, душившей развитие науки и культуры.

Рассказывая о культуре позднеримской империи, Грановский говорил, что «при изучении какого бы то ни было общества не бесполезно обращаться к этим (римским —

¹ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 65 об.

² РОГБЛ, м. 3598/XIV, тетр. 3, л. 10.

³ ЦГАЛИ, ф. 152, № 1, ед. хр. 1, л. III, 114.

⁴ РОГБЛ, м. 3538/XIV, тетр. 3, лл. 10—11 об. Грановский подчеркивал также демократический характер греческих олимпийских игр, резко противопоставлял их средневековым турнирам, на которые допускались... «исключительно члены высшего сословия» и которые носили «характер сословный, а не народный». (Там же, л. 11).

⁵ Там же, м. 3598/XIV, л. 10.

⁶ См. «Звенья», № 6, М.—Л., 1936, стр. 359—360.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 112.

⁸ Там же, м. 3598/XIII, тетр. 3, л. 12 об. Грановский, подчеркивая застойность исторического развития Китая, вместе с тем отмечал, что там «еще до Р. Х... было открыто книгопечатание, был известен порох, компас, бумага, журналы, календари». Он отмечал, что китайскому народу «нельзя отказать в трудолюбии, в любви к колоссальному труду» (там же, м. 3598/XIII, л. 13, а также м. 3598/XVII, л. 10).

⁹ РОГБЛ, м. 3598/XIII, тетр. 3, л. 12 об.

С. А.) временам для аналогии». Имея в виду представителей реакционной профессуры типа Шевырева, подчинявших свою деятельность церковно-полицейским требованиям, он писал, что «жалкие произведения риторики III—IV столетия»¹ выражали преклонение перед властью, угрождали сильному.

Неопубликованные записи лекций Грановского по истории древнего мира раскрывают с большой ясностью те передовые черты его мировоззрения, которые послужили основой плодотворного решения ряда исторических проблем. Опираясь на факты и явления истории древности, он развил мысли об общественном значении исторической науки, о закономерности и прогрессивности исторического развития, о необходимости изучать жизнь народа. Он сделал попытку осветить борьбу демоса, плебеев, рабов и колонов против своих угнетателей. И самый факт, что в обстановке откровенного презрения к народу, царившего в русском дворянском обществе, с университетской кафедры раздавались горячие слова о тяжелой судьбе угнетенного народа, о необходимости изучать его жизнь и борьбу, — этот факт имел глубоко прогрессивное значение.

Архивные материалы показывают, что как в лекциях по истории средних веков, так и в лекциях по истории древнего мира Грановский остается противником угнетения во всех его формах — противником захватнических войн, врагом «идеи» превосходства одних народов над другими, поборником свободного развития науки и просвещения.

Новые данные о Грановском помогают полнее увидеть его как пропагандиста антикрепостнических взглядов, раскрывают замечательное положение Гердена, что «Грановский думал историей, учился историей и историей делал пропаганду». Прогрессивные черты его творчества, тот вклад, который он внес в развитие русской исторической науки, делают важным дальнейшее исследование его научного наследства.

С. Асиновская

ХАРАКТЕР И РОЛЬ «COLONIA ROMANA» В РАСПРОСТРАНЕНИИ РИМСКОЙ ВЛАСТИ НА АПЕННИНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Начало римской колонизации Апеннинского полуострова традиция относит к царскому периоду. Так, Остия, согласно Ливию, была основана еще Анком Марцием², а Сигиния — Тарквинием Гордым³. Хотя сообщения Ливия, Дионисия, Полибия о древнейшем периоде истории Рима носят зачастую легендарный характер, вследствие чего точность датировки выведения той или иной колонии может быть подвержена сомнению, даваемый ими общий ход римской колонизации, безусловно, отражает подлинное ее развитие⁴.

Колонизация была исторически закономерна и обусловлена развитием римской рабовладельческой общины, граждане которой являлись владельцами *ager publicus* и одновременно собственниками своего земельного участка. При низком уровне развития производительных сил земельная площадь общины могла обеспечить существование ограниченного количества граждан. «В противном случае, — отмечает Маркс⁵, они стали бы жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба». Вот почему земельный вопрос приобретал в Риме такую остроту и являлся осью классово-борьбы, которая на раннем этапе римской истории проходила в форме борьбы патрициев и плебеев. При

¹ РОГЪЛ, м. 3598/XVIII, л. 25 об. — 26.

² Liv., I, 33, 9; Dionys., III, 44; Polyb., VI, 29.

³ Liv., II, 21, 7. Археологические данные опровергают такую раннюю датировку.

⁴ См. Н. А. М а ш к и н, История Рима, М., 1950, стр. 126.

⁵ К. М а р к с, Вынужденная эмиграция, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. IX, стр. 276—280.